
Андрей ПОНОМАРЁВ

учитель труда, литератор

ВЫ ЕЩЁ НЕ ГОТОВЫ, ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ!

— Андрей? Пономарёв?

— Да.

— Здравствуй, Андрей. Меня зовут Борис Иванович Черных.

Передо мной стоял пожилой мужчина, невысокого роста, худошавого телосложения. Одетый в чёрное пальто и с чёрным портфелем, он выглядел аккуратно, но несколько консервативно. На вид он был не совсем здоров, но бодр и довольно активно протянул мне руку. Мы поздоровались.

— Андрей, я к тебе как к мастеру. Мне нужны бруски. Размеры я написал.

Борис Иванович по-особенному выговаривал букву «р» и подчёркнуто акцентировал слово «мастер». Ма-

стером я как раз и не был. После продолжительного перерыва я пришёл работать в школу и проработал совсем немного времени. По столярной части были пробелы в моём мастерстве. Тем не менее Борис Иванович был уверен во мне на все сто процентов. Тогда я попытался уверить его, что я всё-таки начинающий столяр, и хотел отказать. Но он, очевидно, приняв это за скромность и продолжал настаивать. В конце концов, мы договорились, и он даже всучил мне аванс, который я тоже не хотел брать.

Тогда это показалось необычным и каким-то деланным действием со стороны писателя. Однако никакой деланности не было. А было у Бориса Ивановича открытое, непосредственное, доброе человеческое сердце. Доброе, но в то же время требовательное к себе и остальным

людям. Очевидно, следствием этой требовательности была крайняя дисциплинированность Бориса Ивановича, которой он поставил меня в тупик уже в первую нашу встречу. В плане дисциплины я полный его антипод: я постоянно опаздываю, прогуливаю, не имею плана и не умею планировать. От чего постоянно страдаю.

И тут Борис Иванович задаёт мне вопрос:

— Когда будет готово?

Я молчу, так как не знаю даже, как сложится у меня ближайший вечер. Погружённый в свои личные заботы и обременённый учительскими обязанностями, в то время я буквально разрывался.

Я начинаю невнятно мычать — мол, в ближайшее время много дел... Тогда Борис Иванович задаёт мне следующий вопрос, которым, собственно, растёр меня в порошок:

— Андрей, ты служил в армии?

— К сожалению, нет.

— Хорошо, что «к сожалению», так к среде сделать можешь?

— ??? — развожу руками, мычу.

— Хорошо, к пятнице?

Я понимаю, что срочно надо делаться дисциплинированным, иначе этот занудный старичок распнёт меня прямо здесь. На глубоком выдохе отвечаю:

— Да! — абсолютно не представляя, как я это сделаю.

— Хорошо, мне Митю за ними прислать или...

— Нет, нет, я сам завезу.

— Во сколько?

— Там уже, наверное, посмотрим...

— Андрей, у меня цейтнот! Мне надо знать точно!

Морщу лобные доли, не понимая, о чём говорит этот человек.

— Ты знаешь, что такое цейтнот?

— Нет, со временем, наверное, трудности?

— Так во сколько ты завезёшь?

Я судорожно начинаю вспоминать своё расписание, свои планы...

Мы уговорились на такое-то время, но назначенный срок я не выдержал. За что досталось мне от этого «старичка» по самое не балуйся. Тогда я поклялся не иметь больше дел с писателем Борисом Черных.

Однако человек предполагает, а Бог располагает. Сошлись мы на почве литературной. А почва эта неблагоприятной быть не может. Через неё я обрёл наставника, мнение которого ценил и ценю до сих пор. Учитель в современной России, православие, в том числе в школе, — эти темы стали для нас общими. Именно благодаря Борису Черных я смог утвердиться во взглядах и обрести, наконец, свою ось, свой внутренний стержень. Произошло это не в один день. Но я помню момент, когда случился мой поворот от представлений ложных и зыбких к твёрдой истине.

Будучи выходцем из семьи светской, я воспитан был в классических советских традициях, уравнивающих всех и вся. Я был уверен, будучи в душе православным, что многоконфессиональность есть единственно правильное качество любой формы государственного правления. При этом в моих убеждениях постоянно всплывали те или иные противоречия, но человек способен их разрешить, верил я. В этих своих малодушных помыслах раздавлен я был Борисом Ивановичем, как таракан бывает раздавлен тапком — неожиданно и молниеносно. Случилось это жарким летним днём. Измученный недугом, зноем и духотой городской коммуналки, Борис Иванович упросил меня свозить его на реку окунуться в прохладной воде. И там, на берегу, я изложил писателю свои взгляды на многоконфессиональность, попросив и его высказать позицию по этому вопросу. Борис Иванович ответил не в бровь, а в глаз:

— Вы ещё не готовы, Владимир Ильич!

Мне захотелось провалиться на месте. Хоть и был я октябрёнком и пионером, но это сравнение покорило меня до самых пяток...

А после он подарил мне книгу «Основы православной культуры», которая перевернула мои взгляды с головы на ноги. Всё стало простым и понятным, исчезли все противоречия по вопросу о том, как должно быть.

В то же время ударился я в ещё одну ересь под названием «гуманизм». Те способы и ухищрения, с которыми преподносилась эта система ценностей учителям в школе, где я работал, срабатывала безотказно. Люди начинали верить, и я в том числе. Сбой дала сама система гуманной педагогики. Всплывали такие вопросы, ответов на которые не было ни у руководства, ни у коллег. Но у Бориса Ивановича ответ был. Когда я поделился с ним своими сомнениями, он ответил: «В Царскосельском лицее не было системы гуманной педагогики, тем не менее мы получили Пушкина и ещё ряд блистательных умов, признанных не только в России, но и во всём мире. А почему? Потому что там было Православие!»

Впоследствии по ряду причин я уволился из той школы, но не осуждаю ни руководство, ни учителей.

А Борису Ивановичу Черных приношу свой земной поклон. Я встретился с этим человеком в самый трудный период своей жизни. Мне жаль, что я мало провёл с ним времени и так мало узнал его. Но даже этого малого было достаточно, чтобы изменить мою жизнь, как я считаю, к лучшему. И я надеюсь, литературное наследие, оставленное Борисом Ивановичем, не осядет на полках книгохранилищ, но будет шевелить сердца людей, просветлять умы и сподвигать к духовному подвигу, который так ярко описан в его произведениях.

Мир и покой вам, Борис Иванович, и вечная память.